

Солженицын А.И.

403, 09

Иван Денисович Цинциннатов

«Русская проза XX века».
Библиотека школьника. М.,
АСТ, Астрель, 2004.

Константин КЕДРОВ

Это, конечно, очень радостно, что в 2004 году школьники обязательно должны прочесть «Матренин двор» Солженицына, «Котлован» Платонова и даже несколько вполне безобидных рассказов Набокова. Россия стала бы совершенно другой страной даже без всяких реформ, если бы в один прекрасный день или не менее прекрасный год школьники все это прочли. Но они в основной своей массе ничего этого читать не будут. И я далеко не уверен, что все учителя литературы читали Набокова.

Больше всего меня удручет, что «Матренин двор» остается абсолютно свежей и актуальной литературой. Сама Матрена при жизни стала национальной героиней. К ней в поселок Торфопродукт даже наведывались туристы и журналисты. Наша интеллигенция очень полюбила «Матренин двор», читала и обливалась слезами, как когда-то над «Бедной Лизой» Карамзина. Я же всегда недолюбливал эту Матрену, с которой началась вся наша деревенская литература. Дело в том, что Солженицын продолжил в этой вещи традиции российского сентиментализма. Согласно этим традициям господа городские должны со слезами умиления взирать на исконно-посконную (проще говоря, полускотскую) жизнь бедных поселян и проникаться чувством своей исторической вины за то, что живут в цивилизации, а не в торфяном дерьме.

Ничего принципиально нового по сравнению с этой повестью Солженицына писатели деревенщики так и не создали. Все эти материки Матрены и матренные Матеры считались образцом «правды жизни», которую писатель должен отображать. Возможно, что в этой покорной, как корова, Матрене коренился причина нашего извечного неустройства.

После «Записок из Мертвого дома» Достоевского, которые никто не читает, кроме специалистов, «Один день Ивана Денисовича» — второй, а по значению первый образец тюремно-лагерной классики. За все последующие годы советской власти и даже за последовавшие десять лет свободы никто из писателей даже не попытался по-новому прикоснуться к этой извечной российской теме. Сам Солженицын своим «Архипелагом ГУЛАГ» не смог перекрыть эту гениальную повесть. Она написана так просто, что оторопь берет. Кажется, литературы-то тут нет никакой,

кой, одна документалистика. А вы попробуйте так, чтобы никакой литературы. Мир не понял Ивана Денисовича. Это сугубо русский характер. Достойный мужской напарник Матрены. Так сказать, ее духовный супруг. Заподозрить Ивана Денисовича и Матрену в какой-либо телесности просто немыслимо. То, что Иван Денисович — тупое лагерное животное, способное думать только о пище, критика, конечно же, объяснила лагерными условиями. Однако я не в состоянии представить себе Ивана Денисовича на воле, читающим какую-либо книгу. А ведь он и в школе учился, и грамоте обучен.

Иван Денисович все тот же образчик сентиментально-са-листической и сентиментально-мазохистской традиции русской литературы, которая всегда умиялась убожеством, да еще и подражала ему. Достоевский выдумал кроткого мужичка Марея, Толстой — Платона Каратаева. Пушкин — Савельича. У Солженицына правды больше. Его Денисовича в преданности не заподозришь, скорее в предательстве. Впрочем, Шухову некого предавать, поскольку он никому никогда не был предан. Преданность — выдумка русских писателей. Мечта барина о любящем и покорном рабе.

После Солженицына хотелось бы хоть пару слов о Набокове. Но для этого предметом разговора должно быть что-то равновеликое. Лучше всего «Приглашение на казнь». Вот и сравнили бы тюрьму «агностика» Цинцинната с концлагерем Ивана Денисовича. Солженицына с Набоковым. Варварство с цивилизацией. Духовное рабство с духовной свободой. Интеллигентность с хамством и хамство с интеллигентностью. Но ритуал повелевает восхищаться и умиляться всем, что «у нас», и, по крайней мере, с подозрением посматривать на все, что «у них», даже если это сугубо «наш» Набоков.

Подведем итог. XX век позади. А литература его пока впереди.